

Международные отношения

Правильная ссылка на статью:

Лунь Х. Политические риски сотрудничества между ЕАЭС и инициативой «Пояс и путь»: взгляд китайских аналитических центров // Международные отношения. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0641.2025.4.76457 EDN: HKGRQP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76457

Политические риски сотрудничества между ЕАЭС и инициативой «Пояс и путь»: взгляд китайских аналитических центров

Лунь Хаотянь

кандидат исторических наук

аспирант; кафедра теории и истории международных отношений; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ Mofeng0927@yandex.ru

[Статья из рубрики "РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФИГУРАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ"](#)

DOI:

10.7256/2454-0641.2025.4.76457

EDN:

HKGRQP

Дата направления статьи в редакцию:

22-10-2025

Дата публикации:

29-10-2025

Аннотация: Предметом исследования является политико-дискурсивная модель оценки рисков, формируемая китайскими аналитическими центрами в процессе сопряжения инициативы «Один пояс, один путь» (ОПП) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Объектом исследования выступает процесс стратегического взаимодействия между ЕАЭС и китайской инициативой ОПП, который приобретает особую значимость на фоне трансформации геополитических и экономических процессов в Евразии. Автор подробно рассматривает роль китайских аналитических центров как активных акторов формирования внешнеполитического дискурса, анализирует их методы интерпретации и нейтрализации политических рисков, а также раскрывает, каким образом через риторические и институциональные инструменты формируется позитивное восприятие

китайских инициатив в международной среде. Особое внимание уделяется институциональным различиям между ЕАЭС и ОПП, геополитическому соперничеству в Центральной Азии и роли «мягкой силы» Китая в снижении уровня стратегической неопределённости. Методологическая основа исследования включает дискурсивный анализ, сравнительно-исторический метод и контент-анализ аналитических отчётов китайских исследовательских центров, что позволило выявить риторические стратегии и когнитивные схемы, определяющие восприятие политических рисков в рамках евразийской интеграции. Научная новизна работы заключается в том, что китайские аналитические центры впервые рассматриваются как самостоятельные участники внешнеполитического процесса, выполняющие не только экспертно-прогностическую, но и идеологическую функцию в формировании стратегии сопряжения ЕАЭС и ОПП. Исследование показало, что они трактуют политические риски не как угрозы, а как управляемые элементы стратегического диалога, способствующие выстраиванию баланса интересов между Китаем и Россией. Сделан вывод, что успешное развитие евразийской интеграции возможно при условии институциональной синергии и поддержания устойчивого диалога между сторонами. Вклад исследования состоит в углублённом понимании механизмов, посредством которых Китай конструирует восприятие политических рисков, превращая их в инструмент укрепления доверия и устойчивости регионального сотрудничества.

Ключевые слова:

Евразийская интеграция, Пояс и путь, ЕАЭС, Китайские аналитические центры, Политические риски, Дискурсивный анализ, Геоэкономика, Центральная Азия, Институциональное сопряжение, Многостороннее сотрудничество

Введение

На фоне трансформации политических процессов в Евразии и активизации стратегических интересов ведущих держав, сотрудничество между инициативой «Один пояс, один путь» (ОПП) и Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) приобретает всё более значимый характер ^[1]. При этом наряду с расширяющимся экономическим взаимодействием возрастает и комплексность политических рисков, способных повлиять на реализацию инфраструктурных и интеграционных проектов в регионе. Учитывая геополитическое соперничество, институциональные расхождения и нестабильность ряда центральноазиатских государств, исследование этих рисков становится неотъемлемой частью анализа перспектив китайско-российского сотрудничества на евразийском пространстве.

В данной связи особый интерес представляет деятельность китайских аналитических центров, выполняющих не только экспертную, но и стратегически-коммуникативную функцию. Именно они формируют дискурсивные рамки восприятия внешнеполитических инициатив КНР, включая ОПП, и разрабатывают методики оценки сопряжённых с ними политических рисков. Их подход сочетает в себе геополитический анализ, институциональное сопоставление и риторическую деконструкцию, что позволяет выстраивать гибкие сценарии стратегического поведения и снижать уровень неопределённости в условиях многополярного мира.

Актуальность темы определяется тем, что политические риски на стыке стратегий ОПП и ЕАЭС становятся не только предметом академических дебатов, но и фактором,

непосредственно влияющим на реализацию конкретных проектов в рамках евразийской интеграции. Анализ дискурса китайских аналитических центров позволяет выявить, каким образом КНР конструирует и управляет восприятием рисков в международной среде.

Цель исследования определить, как китайские аналитические центры идентифицируют и оценивают ключевые политические риски в процессе сопряжения инициативы «Один пояс, один путь» с ЕАЭС, а также проанализировать потенциал политической координации между Китаем и Россией.

Объектом исследования является процесс стратегического взаимодействия между ЕАЭС и китайской инициативой «Один пояс, один путь»; Предметом исследования выступает политико-дискурсивная модель оценки рисков, формируемая китайскими аналитическими центрами.

Методология исследования базируется на методе дискурсивного анализа, позволяющем выявить риторические стратегии и когнитивные схемы, применяемые в аналитических текстах. Также используется сравнительно-исторический метод для анализа эволюции политического взаимодействия Китая и стран ЕАЭС и контент-анализ отчётов ведущих китайских исследовательских центров.

Научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении китайских аналитических центров как активных акторов формирования внешнеполитического дискурса и оценки рисков на евразийском направлении. Исследование позволяет глубже понять, каким образом политические риски трансформируются в управляемые элементы стратегического диалога.

Эволюция политического взаимодействия между Китаем и странами ЕАЭС

Распад Советского Союза в 1991 году привёл к радикальной трансформации геополитической карты Евразии. На территории бывших союзных республик возникли новые независимые государства, которые столкнулись с необходимостью выстраивания внешнеполитического курса и экономической стратегии в условиях системного кризиса и глобализации. Центральная Азия стала своеобразным «сердцем Евразии» географическим и стратегическим узлом, определяющим баланс сил между Россией, Китаем и Западом [\[2\]](#).

Согласно геополитической концепции Х. Маккиндера, именно контроль над внутренними пространствами Евразии «хартлендом» является ключом к мировому господству [\[3\]](#). После распада СССР этот регион стал ареной конкуренции внешних акторов, прежде всего России и Китая, за влияние и экономическое присутствие [\[4\]](#). В этот период Китай начал постепенное проникновение в постсоветское пространство через механизмы двусторонней торговли, транспортные проекты и энергетическое сотрудничество, формируя основу будущей инициативы «Пояс и путь» [\[5\]](#).

В то же время Россия, переживавшая внутренние трансформации, стремилась восстановить своё влияние через создание интеграционных механизмов сначала СНГ, затем Таможенного союза, а впоследствии Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Эти процессы заложили структурную основу будущего взаимодействия между Москвой и Пекином [\[6\]](#).

Политика Китая в постсоветский период развивалась в русле стратегии «мирного

подъёма» и добрососедства. Уже в 1990-е годы Пекин заключил с Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном соглашения о границах и безопасности, что способствовало созданию Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) [7]. Этот формат стал первой площадкой для выстраивания доверия между странами Центральной Азии, Россией и КНР, а также инструментом мягкой балансировки западного влияния.

В 2013 году в Астане председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул инициативу «Экономического пояса Шёлкового пути», ставшую ядром глобальной стратегии «Пояс и путь». С этого момента Китай стал рассматривать Центральную Азию не только как буфер безопасности, но и как важнейший транспортно-логистический коридор, соединяющий Китай с Европой [8].

Китайская политика в регионе сочетает геоэкономические и геополитические подходы, что можно охарактеризовать как переход от традиционной дипломатии к «геоэкономическому регионализму» [9]. В отличие от прежних военно-политических инструментов влияния, Пекин использует механизмы инфраструктурного инвестирования, совместного промышленного производства и цифрового взаимодействия так называемую «Цифровую Шёлковую дорогу» [10].

Создание Евразийского экономического союза в 2015 году стало логическим завершением многолетних усилий России по институционализации постсоветского пространства. В основе концепции ЕАЭС лежала идея «многоуровневой интеграции», ориентированной на восстановление утраченных хозяйственных связей и формирование единого экономического пространства [11].

Российская стратегия евразийской интеграции изначально имела двойственный характер: с одной стороны, она стремилась укрепить экономическое взаимодействие и общие стандарты, с другой удерживать регион в сфере политического влияния Москвы. Однако по мере усиления китайской активности Россия вынуждена была адаптировать свою политику, выстраивая систему «сопряжения» между ЕАЭС и инициативой «Пояс и путь» [12].

Концепция «Большого Евразийского партнёрства», выдвинутая Россией в 2016 году, стала ответом на китайскую стратегию, одновременно признавая необходимость сотрудничества и предотвращая асимметрию в отношениях [13]. Совместные форматы, такие как меморандум ЕЭК и Министерства коммерции КНР (2018 г.), обозначили переход от соперничества к институционализированному взаимодействию [14].

Несмотря на различие стратегических приоритетов, Россия и Китай нашли общий знаменатель в стремлении к укреплению суверенитета и противодействию западному давлению. Оба государства рассматривают евразийскую интеграцию как средство формирования многополярного мирового порядка [15].

На начальном этапе инициативы «Пояс и путь» многие российские аналитики опасались, что китайская экономическая экспансия может привести к подрыву российского влияния в Центральной Азии. Однако на практике возникла модель взаимодополнения: ЕАЭС обеспечивает институциональную структуру и нормативно-правовую базу, тогда как Китай выступает источником инвестиций, технологий и инфраструктурных ресурсов [16].

Сотрудничество в энергетике, транспорте, а также развитие цифровых платформ, охватывающих территорию Евразии, демонстрируют переход от стратегической

конкуренции к прагматической координации ^[17]. Китай и Россия всё чаще выстраивают взаимодействие на принципах равноправия и невмешательства, формируя уникальную модель «партнёрства без союзничества», в которой отсутствует идеологический компонент, но присутствует историческая логика совместного развития ^[18].

Таким образом, эволюция политического взаимодействия между Китаем и странами ЕАЭС представляет собой постепенный переход от соперничества за влияние в постсоветском пространстве к совместной выработке правил нового евразийского порядка, где «Пояс и путь» и ЕАЭС становятся взаимодополняющими элементами формирующейся архитектуры Большой Евразии.

Роль китайских аналитических центров в формировании дискурса политических рисков

В современной внешнеполитической системе Китайской Народной Республики аналитические центры занимают особое место как институциональные посредники между научным знанием, государственным управлением и общественным восприятием. Их деятельность выходит далеко за рамки академической аналитики: китайские аналитические центры играют важную роль в формировании идеологических основ внешнеполитической стратегии, легитимизации международных инициатив прежде всего, таких как «Пояс и путь» а также в разработке критериев оценки политических рисков, сопровождающих трансграничное взаимодействие КНР.

Особенность китайской модели заключается в тесной институциональной взаимосвязи аналитических центров с государственными и партийными структурами. Хотя такая модель ограничивает формальную автономию исследовательских организаций, она, в то же время, обеспечивает их влияние на принятие стратегических решений и превращает их в эффективные инструменты внешнеполитического позиционирования страны. На структурном уровне аналитические центры Китая можно классифицировать по степени зависимости от государства и по функциональной специализации, что отражено в таблице 1.

Таблица 1. Структура и функции китайских аналитических центров

Тип аналитического центра	Примеры институтов	Основные функции	Характер зависимости
Официальные	Китайская академия общественных наук (CASS), Китайский институт международных проблем (CIIS)	Разработка стратегических докладов, определение внешнеполитических приоритетов	Полный контроль со стороны Госсовета и ЦК КПК
Полуофициальные	Исследовательские подразделения при университетах и отраслевых министерствах	Академический анализ, сравнительные исследования, подготовка прогнозов	Ограниченная автономия при административном контроле
Независимые/частные	Центр Китая и глобализации (CCG), другие	Общественная дипломатия, кросс-культурная	Относительная независимость, но с ограниченным

	частные исследовательские платформы	коммуникация, взаимодействие с международными экспертами	влиянием на госаппарат
--	---	---	---------------------------

Источник: составлено автором

Аналитические центры выполняют не только экспертную функцию, но и роль идеологических трансляторов ключевых дискурсивных концептов. Они формируют когнитивное основание таких понятий, как «взаимная выгода», «совместное развитие» и «региональная стабильность», которые служат средствами снижения тревожности среди международных партнёров Китая. Через отчёты, публикации и экспертные форумы эти центры формируют позитивную рамку восприятия внешнеполитических стратегий КНР, в том числе в потенциально нестабильных регионах, таких как Центральная Азия.

Методология оценки политических рисков, применяемая китайскими аналитическими центрами, носит комплексный характер и сочетает элементы геополитического анализа, институционального сопоставления и дискурсивной деконструкции. Геополитический подход позволяет учитывать конкурентное давление со стороны других держав, в том числе России, США, Турции и ЕС. Институциональный анализ охватывает соотношение различных интеграционных моделей инициативы «Пояс и путь» и Евразийского экономического союза. Эти модели различаются по принципам управления, юридической архитектуре и механизмам включения третьих стран, что создаёт потенциал как для синергии, так и для фрикций.

Ключевая особенность китайской парадигмы оценки рисков заключается в интеграции языкового и риторического компонентов в саму логику анализа. Аналитические центры Китая рассматривают язык как инструмент влияния: подбор терминов и смысловых акцентов становится неотъемлемой частью стратегического управления восприятием. Так, в отчётах Центра Китая и глобализации (CCG), Китайского института международных проблем (CIIS), а также Китайской академии общественных наук (CASS) регулярно используются выражения, такие как «взаимная выгода» (互利合作), «совместное развитие» (共同发展) и «региональная стабильность» (地区稳定). Эти лексемы обладают высокой прагматической нагрузкой, поскольку транслируют партнёрство как ненасильственную, неиерархичную форму взаимодействия.

Применение данных дискурсивных формул направлено на легитимацию внешнеполитических приоритетов КНР в глазах целевых аудиторий как элитных, так и массовых. В рамках сотрудничества с Российской Федерацией китайские аналитические центры подчёркивают не конкуренцию, а дополнение: например, распространённым стало понятие «взаимодополняемого развития» (互补性发展), означающее, что китайская инициатива не вытесняет, а усиливает существующие экономические механизмы евразийского взаимодействия.

Таким образом, аналитические центры Китая представляют собой сложный когнитивный механизм формирования внешнеполитического дискурса, в котором оценка рисков сопряжена с их нейтрализацией через язык. Это превращает их не просто в «фабрики мысли», но в активных участников политико-дипломатического поля, влияющих на восприятие, трактовку и управление неопределённостью. Их роль особенно значима в зонах потенциальной нестабильности, где жёсткие инструменты давления заменяются мягкой силой убеждения, а риск превращается из угрозы в возможность для стратегического диалога.

Основные политические риски сотрудничества ЕАЭС и инициативы «Пояс и путь» с точки зрения китайских экспертов

В последние годы сотрудничество между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и китайской инициативой «Один пояс, один путь» (ОПП) рассматривается китайскими аналитическими центрами как стратегически важное направление внешнеэкономического взаимодействия. Однако, Аналитики Ли Сянян сходятся во мнении, что устойчивое продвижение ОПП на евразийском пространстве требует не только экономической логики, но и глубокого учёта политических реалий, институциональных различий и внешнеполитических вызовов [\[19\]](#).

Прежде всего, особое внимание уделяется фактору геополитического соперничества в Центральной Азии. В отчётах CASS подчёркивается, что, несмотря на растущую значимость китайских инфраструктурных коридоров, Россия сохраняет традиционно сильное влияние в регионе [\[20\]](#). Это означает, что никакой транзитный маршрут, проходящий через Центральную Азию, не сможет полностью заменить политическую и стратегическую роль России, что создаёт определённые ограничения для реализации китайской модели сотрудничества. Пекинские исследователи также указывают на возможность возникновения мягкой конкуренции между Китаем и Россией в вопросах безопасности, стандартизации и экономического присутствия. Эта конкуренция, хотя и не носит открытого характера, уже отражается в оценках рисков, связанных с институциональной совместимостью китайских инвестиций и региональных норм.

Вторым критически важным аспектом китайские аналитики считают институциональные различия между двумя интеграционными платформами. В частности, в докладах CCG под руководством Ван Хуэйяо подчёркивается, что ЕАЭС строится на принципах закрытой региональной интеграции с доминирующей ролью регулирующих структур, в то время как ОПП продвигает модель открытого международного сотрудничества в сфере инфраструктуры [\[21\]](#). Такая асимметрия ведёт к возникновению правовых и административных препятствий, которые могут существенно замедлить реализацию проектов, особенно в рамках многосторонних соглашений. Кроме того, эти различия затрудняют институциональное сопряжение и порождают проблемы совместного управления.

Третьим источником политического риска китайские эксперты называют фактор внешнего вмешательства. Отчёты CASS и других организаций подчёркивают, что трансрегиональные проекты в рамках ОПП подвержены стратегическому воздействию со стороны третьих акторов, прежде всего США и Европейского союза [\[22\]](#). Эти внешние игроки могут оказывать давление на страны-партнёры, стремясь ослабить российско-китайское взаимодействие в сфере инфраструктуры и тем самым ограничить распространение китайского влияния в Евразии. В подобных условиях эффективность двусторонних и многосторонних форматов сотрудничества может снижаться.

Не менее значимым является риск внутренней нестабильности стран Центральной Азии. Китайские исследовательские центры, включая Пекинский университет, подчёркивают, что высокая степень политической уязвимости этих государств, выражающаяся в слабости правовых институтов, коррупции, этнополитических конфликтах и нестабильности элит, представляет собой серьёзную угрозу для устойчивости проектов [\[23\]](#). Даже тщательно проработанные и согласованные инициативы могут быть приостановлены или свернуты под влиянием внутренних кризисов.

Наконец, особую обеспокоенность вызывает институциональное пересечение множества интеграционных механизмов. Китайские аналитики предупреждают, что одновременное участие стран в таких структурах, как ШОС, БРИКС, ЕАЭС и ОПП, повышает издержки координации и может вызывать дублирование функций ^[24]. Отсутствие чёткой институциональной гармонии между платформами снижает общую эффективность многоуровневого взаимодействия и затрудняет достижение согласованных целей.

В ответ на выявленные риски китайские аналитические центры предлагают комплекс рекомендаций. Прежде всего, они настаивают на необходимости укрепления стратегического диалога между Пекином и Москвой, направленного на выработку гибких механизмов сопряжения институтов ОПП и ЕАЭС. Также подчёркивается важность повышения устойчивости партнёрства к внешнему давлению и необходимость институционального развития стран Центральной Азии как условия для стабильной реализации проектов. Кроме того, выдвигается идея оптимизации архитектуры многостороннего сотрудничества с целью снижения перекрёстных издержек и повышения эффективности координации.

Китайские аналитические структуры демонстрируют стремление к системному подходу в анализе политических рисков сопряжения ЕАЭС и ОПП. Они трансформируют абстрактные вызовы в конкретные сценарии, сопровождая их прагматичными рекомендациями, что позволяет не только повысить осведомлённость потенциальных участников, но и выработать более реалистичные механизмы смягчения рисков в условиях высокой турбулентности современной Евразии.

Таким образом, политическое взаимодействие между Китаем и странами ЕАЭС прошло сложный путь от осторожного сближения к выстраиванию многоуровневого и институционально оформленного партнёрства. Китайская инициатива «Пояс и путь» и евразийская интеграционная стратегия России, несмотря на различия в архитектуре и идеологических установках, постепенно приобретают характер взаимодополняющих процессов. Значительную роль в этом сближении играют китайские аналитические центры, которые не только формируют концептуальные рамки внешнеполитического дискурса КНР, но и обеспечивают системный анализ политических рисков, способствуя адаптации стратегии Пекина к сложной многополярной реальности Евразии. Выделенные риски от геополитической конкуренции до институциональной фрагментации становятся не препятствием, а точками приложения усилий для формирования устойчивой модели сотрудничества. Становится очевидным, что дальнейшая эволюция отношений между Китаем и ЕАЭС будет зависеть от способности сторон к стратегическому диалогу, институциональной синергии и гибкому реагированию на вызовы, продиктованные меняющейся архитектурой региональной безопасности и глобального управления.

Заключение

В условиях нарастающей стратегической турбулентности на евразийском пространстве сотрудничество между инициативой «Один пояс, один путь» и Евразийским экономическим союзом становится не только экономическим проектом, но и ареной формирования новой модели регионального порядка. Проведённое исследование показало, что взаимодействие Китая и стран ЕАЭС эволюционировало от скрытого соперничества за влияние в постсоветском пространстве к институционально оформленному партнёрству, в котором «Пояс и путь» и ЕАЭС выступают не как конкурирующие, а как взаимодополняющие платформы. Этот процесс сопровождался выработкой общей риторики, основанной на принципах невмешательства, прагматизма и стратегического доверия.

Центральным аналитическим фокусом работы стало рассмотрение роли китайских аналитических центров как активных участников внешнеполитического дискурса КНР, определяющих способы концептуализации и управления политическими рисками евразийской интеграции. В отличие от западной модели, где аналитические структуры обладают институциональной автономией, китайские «фабрики мысли» действуют в тесной связке с государственными и партийными институтами, что усиливает их влияние на принятие решений. Их ключевая функция заключается не только в прогнозировании угроз, но и в формировании легитимирующего языка, который снижает тревожность как у внутренних, так и у внешних акторов. Термины вроде «взаимная выгода», «совместное развитие» и «региональная стабильность» приобретают в этом контексте не столько описательный, сколько нормативно-регулирующий характер, создавая когнитивные рамки, внутри которых осмысливается китайское присутствие в Евразии.

Анализ дискурса показал, что китайские эксперты не игнорируют наличие политических рисков в процессе сопряжения ОПП и ЕАЭС. Напротив, они систематически выделяют ряд ключевых вызовов от геополитического давления со стороны США и ЕС до институциональной несостыковки моделей управления, рисков внутренней нестабильности стран Центральной Азии и дублирования функций интеграционных платформ. Однако, в отличие от традиционного подхода к рискам как к угрозам, китайские аналитические центры трактуют их как возможность для более гибкой и сбалансированной координации с российской стороной. Такой подход отражает стремление Пекина не к доминированию, а к формированию структурного равновесия, при котором Китай и Россия сохраняют свои зоны влияния, одновременно разрабатывая совместные механизмы стратегического сопряжения.

Таким образом, исследование подтвердило, что китайские аналитические центры играют важную роль в трансформации политических рисков из внешних вызовов в управляемые элементы евразийской дипломатии. Они не только прогнозируют угрозы, но и создают символический порядок, в рамках которого риски поддаются нейтрализации через дискурсивные и институциональные инструменты. Это свидетельствует о том, что успешное сопряжение инициативы «Пояс и путь» и ЕАЭС возможно лишь при условии устойчивого политического диалога между Москвой и Пекином, в котором аналитические структуры становятся не только комментаторами, но и архитекторами новой евразийской парадигмы сотрудничества.

Библиография

1. Глазьев С. Ю., Архипова В. В., Агеев А. И. и др. Вопросы и состояние процессов сопряжения Евразийского экономического союза и инициативы "Один пояс – один путь" в представлениях Китая и России // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2019. – № 3 (29). – С. 13-30.
2. Ефременко Д. В. Сопряжение китайской инициативы "Экономический пояс Шёлкового пути" и интеграционного проекта "Евразийский экономический союз" в контексте трансформаций современного мирового порядка // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2018. – № 23. – С. 29-41. DOI: 10.24411/2618-6888-2018-10003
3. Пакулин В. С. Процессы сопряжения китайского проекта "Один пояс – один путь" и ЕАЭС в рамках концепции "Большого евразийского партнёрства" // Вестник Томского государственного университета. История. – 2022. – № 76. – С. 47-55. DOI: 10.17223/19988613/76/6
4. Хаотянь Л. Перспективы сотрудничества стран – участниц Евразийского

- экономического союза и Китая в рамках инициативы "Один пояс, один путь" в области цифровой экономики: исторический аспект // Общество: философия, история, культура. – 2025. – № 4. – С. 190-195. DOI: 10.24158/fik.2025.4.25
5. Лин Ч. Интеграция инициативы "Один пояс, один путь" и Большого евразийского партнёрства: предпосылки, мотивы и приоритеты реализации // Социально-политические науки. – 2021. – Т. 11, № 1. – С. 95-100.
6. Ашихмин А. Е. Формирование РФ и КНР регионального технологического порядка в странах постсоветской Азии на примере реализации цифровой повестки ЕАЭС и инициативы "Цифровой Шёлковый путь". Ч. 2 // Власть. – 2025. – Т. 33, № 5. – С. 46-53.
7. Чернова А.Ф. «Экономический пояс Шелкового пути» и Большое евразийское партнерство: сравнительный анализ концепций и истории развития двух инициатив // Genesis: исторические исследования. 2021. № 3. С. 1-9. DOI: 10.25136/2409-868X.2021.3.35093 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35093
8. Борисов Д. А. Сопряжение ЕАЭС и ЭШП: комплементарный потенциал, индифферентная реальность // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 419. – С. 109-114. DOI: 10.17223/15617793/419/14
9. Светличный А. И. Китайская инициатива "Пояс и путь" и Евразийский экономический союз: "интеграция интеграций" // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2018. – № 5. – С. 7-20. DOI: 10.17323/1999-5431-2018-0-5-7-20
10. 胡键. Исследование продвижения развития Центральной Азии в рамках инициативы "Пояс и путь" ["一带一路"倡议推进中亚地区发展研究] // 经济地理. – 2024. – Т. 44, № 6. – С. 22-30.
11. Осмоналиева Б. А., Качкыналиев М. С. Сопряжение китайской инициативы "Один пояс – один путь" и концепции развития ЕАЭС в условиях цифровизации современного мира // Вестник Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики. – 2019. – № 26. – С. 53-57.
12. Сизов Г. А. Китайская инициатива "Пояс и путь" в Центральной Азии: успехи, проблемы и перспективы // Проблемы национальной стратегии. – 2021. – № 2. – С. 146-168. DOI: 10.52311/2079-3359_2021_2_146
13. Смит Д. Ж. Партнёрство или соперничество? Взаимодействие Китая с Россией по вопросам региональной безопасности в рамках ШОС // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2025. – Т. 27, № 1. – С. 55-65. DOI: 10.24866/1813-3274/2025-1/55-65
14. Сидоренко Э. Л. Китайская инициатива "Цифровой Шёлковый путь": направления и перспективы развития, преимущества и риски для России // Russian Journal of Economics and Law. – 2025. – Т. 19, № 1. – С. 57-79. DOI: 10.21202/2782-2923.2025.1.57-79
15. 韩玉, 于波. Геополитические аспекты международной инициативы "Один пояс, один путь" [地缘政治方面的“一带一路”倡议] // 社会人文知识. – 2024. – № 1. – С. 197-200.
16. Ерасов Б. С. Социокультурные и геополитические принципы евразийства: вызовы новой эпохи // Историческая психология и социология истории. – 2017. – Т. 10, № 2. – С. 122-148.
17. 王玉菲. Публичная дипломатия КНР в Центральной Азии: текущее состояние, вызовы и перспективы развития [实践中国在中亚的公共外交] // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2022. – Т. 14, № 4. – С. 145-172. DOI: 10.48015/2076-7404-2022-14-4-145-172
18. Харитоновна Н. И., Александр В. Ключевые проблемы евразийской интеграции в контексте современных международных трансформаций и политики России на Евразийском пространстве // Постсоветские исследования. – 2023. – Т. 6, № 6. – С. 597-609.
19. 李向阳. Высококачественное развитие и институциональное строительство инициативы

"Пояс и путь" ["一带一路"的高质量发展与机制化建设] // 世界经济与政治. – 2020. – № 5. – С. 51-70.

20. Europe and the "Belt and Road" Initiative: Responses and Risks (2019) [Электронный ресурс]. – URL: <https://sha.static.vipsite.cn/media/thinktank/attachments/126cd6f381136b368f4b9c3a028a4515.pdf> (дата обращения: 17.10.2025).

21. 王辉耀. "Пояс и путь" как стимул глобализации 2.0 ["一带一路"是全球化2.0的强心剂] [Электронный ресурс] // Центр Китая и глобализации. – URL: <http://www.ccg.org.cn/archives/30532> (дата обращения: 27.10.2025).

22. Исследовательский отчёт по безопасности китайских инвестиций в рамках "Пояса и пути" (2018) [中国"一带一路"投资安全研究报告] [Электронный ресурс]. – URL: https://cpms.ssap.com.cn/skwx_cmr/bookdetail-SiteID=23&ID=7467531 (дата обращения: 17.10.2025).

23. Отчёт о развитии строительства в рамках инициативы "Пояс и путь" (2021) ["一带一路"建设发展报告(2021)] [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ydylcn.com/skwx_ydyl/bookdetail-SiteID=1&ID=10787106 (дата обращения: 17.10.2025).

24. 孙壮志. Шанхайская организация сотрудничества и многосторонняя дипломатия Китая в новую эпоху [上海合作组织与新时代中国多边外交] // 世界经济与政治. – 2021. – С. 5-8.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора